

Е. Д. Прокофьева

Некоторые религиозные культы тазовских селькупов

По представлениям селькупов, их жизнь во многом зависела от соблюдения ими множества обрядов и запретов, касавшихся почти всех сторон деятельности. Многие из этих обрядов и запретов родились в далекой древности, еще до появления шаманов, из культов природы, огня и др. Позднее шаманы включили их в свой арсенал. Собственно шаманские обряды и запреты в основном были связаны с лечением болезней и предсказаниями будущего. Обряды, связанные с рождением и смертью человека, сватовством и свадьбой, почитанием огня, охотничьими запретами, поведением женщины в семье, и многие другие проходили без участия шаманов.

Некоторые обряды можно объяснить существующими преданиями (*гентыль*). Одно из них — «Об огненной бабушке», — записанное нами в 1928 г. в Янове-стане, мы даем в приложении к этой статье.

Одни обряды, запреты сохранились до 1920-х годов, а другие наблюдались и позднее — в 1960-е годы. Все они связаны с древними представлениями селькупов о мире, об окружающей их природе и являются действиями, предохраняющими человека от злых сил, обеспечивающими ему благополучную жизнь. Обряд и запрет — две стороны этих действий: один с положительным, другой с отрицательным содержанием.

Так, обряд кормления огня предполагал сохранение доброго отношения с духом огня. Обряд этот существует кое-где и поныне. Садясь за очередную трапезу, присутствующие обязательно бросали в огонь очага (костра) кусочек пищи, плескали в огонь чай и даже вино.

Запреты, связанные с культом огня, многочисленны и направлены на то, чтобы не осквернить, не обидеть огонь. Нельзя бросать в огонь сор, нельзя шевелить огонь железными предметами, нельзя обходить огонь против солнца, нельзя смотреть на северное сияние («небесный огонь»), нельзя вешать над огнем «нечистые» предметы, например женскую обувь, и т. п. Нарушение этих запретов может повлечь за собой несчастье, болезни. Запреты распространяются и на дрова — «пищу огня». Нельзя бросать дрова в местах, где люди могут через них перешагивать и этим их осквернить.¹

Считалось, что огонь способен сообщать людям волю духов. Если пламя было ровное, спокойное — хороший признак, дух огня доволен. Если дрова в костре горели неровно, костер дымил, трещал и стрелял искрами, это значило, что духи чем-то недовольны и хотят наказать хо-

¹ Когда огонь добывали трением, при помощи ручного сверла (*пурь*), то для растопки брали специально высушенный мелкий мусор (*щектора*), остававшийся на берегах после падения весенних вод. Он считался «чистым», принесен рекой был с верховьев, из далеких стран предков, из верхнего мира.

заяв дома (чума). Предание об огненной бабушке хорошо иллюстрирует все перечисленные запреты и обряд.

Интересными представляются данные о священных местах у селькупов. Эти особо почитаемые места назывались либо *лозыль тэтты* — «духов земля», либо *хэтысымыль тэтты* — «мудреная, необычная земля».² Те местности на селькупской территории, в названии которых имеется определение *лозыль* (*лозыль то* — «духа (черта) озеро», *лозыль лака* — «духа холм» и т. д.), являются, по представлениям селькупов, обиталищем какого-либо духа. Термин *хэтысымыль* определяет другие местности, не являющиеся местом жительства духа, а примечательные какими-либо событиями. О таких местах сложены обычно легенды, с ними связаны поверья. Например, в Тазовской тундре имеется озеро Лэль кылыль то (Грудной кости озеро). О нем рассказывают: жили на берегу этого озера два шамана. Один из них ежедневно шаманил. Однажды из озера вынырнула ветка (лодка) с сидящим в ней человеком. Шаман вышел из чума, увидел эту ветку и тут же упал мертвый. Его товарищ, другой шаман, сделал из стоявшего на берегу озера кедра (*пърхя*) изображение умершего.

Озера с низкими, наплывающими берегами, зыбунами, где деревья растут, склоняясь к воде, как бы закрывая ее, называются *лозыль то*. На них охотники никогда не ночуют. Проезжая мимо, селькупы приносят жертву — бросают щепотку табаку или кусочек оленьей шкуры.

Почитают эти озера и тазовские юраки (ненцы), которые, проезжая мимо них, даже били оленя в жертву. Считалось, что в этих озерах живет мамонт (*кощяр*). По сообщениям селькупов, этим словом они называют шук. Говорят, что они очень велики, что головы их покрыты зеленым мхом. Рассказы эти, возможно, и не фантастичны, так как в этих запретных озерах никогда не ловили рыбу и вполне вероятно, что жившие в них щуки благополучно достигали преклонного возраста. Их размеры позволили селькупам предполагать, что это не обычные, хорошо им известные щуки, а таинственные звери. В советский период, когда ослабили традиционные запреты, рыбаки начали ставить на этих озерах жерлицы. И часто находили их пустыми, со следами съеденной щуками-старожилами добычи. Причины святости некоторых мест еще сохранились в памяти стариков. В Тазовской тундре имеется место, называемое *поль мэкты*. Почитание его возникло в связи с эпидемией оспы, унесшей много жизней. Умершие, по рассказам стариков, лежали кучами «высотой с хорей». На этом месте все они были похоронены. Ныне кладбище заросло лесом, откуда и его название — «лесное кладбище».

Священными признавались те места в верховьях Таза, где еще в 1920-х годах встречались *номты сырысә по* — «к небу-богу лестницы» (*сырысә по* — «для влезания дерево»). Они представляли собой врытые в землю столбы с зарубками. Считалось, что это лестницы, по которым шаманы восходили на небо. В давнее время их устанавливали по приказу шаманов, а новые лестницы давно уже не ставили. Часто на священных местах селькупы вырубали на стволах деревьев изображения духов этих мест — *поль пәрхя* — «деревянный шайтан».

Такое место есть в 6 км от Церковенского, называется Пәркын укы — «Идолов мыс». Берег р. Таза здесь — высокий яр, на реке против него — пережат. Другое название этого места Лозыль мачи — «Лес духов». О нем говорят: «Это такая шайтанская земля. Мимо идешь, что-либо положить нужно, а то худо будет». И каждый, проезжая, обязательно бросал здесь жертву — щепотку табаку, кусок оленьей шкуры,

² От слова *хэты* — «мудрость», «чудо», «необычность».

тряпочку и т. п. В 30 км от поселка Красноселькупска, вверх по Тазу, на берегу стоит большая ель. Около нее прежде ставили полъ пәрқә — деревянных идолов. В 1962 г. стоял там один, вырезанный из кедра. Согласно поверью, близ этого места будто бы селькуп утопил в люльке ребенка. Теперь, проезжая мимо этой ели, селькуны бросают в реку деньги, пули и другие металлические предметы, чтобы с ними не случилась беда. Прежде, проезжая, стреляли в ель из луков.

Такое место с идолом имелось и около устья р. Парусовой.

Самым почитаемым не только селькупам, но и лесными ненцами и хантами в Тазовской тундре считается большое Лозыль то (Чертово озеро). На этом озере есть остров, на нем также озерко, которое и является главным святилищем. Проникнуть туда очень трудно, селькуны, живущие по берегам большого озера, охраняют свою святыню. Женщинам вообще вход на него воспрещен.

Полина Айваседа (из лесных ненцев) с сестрой однажды пробралась на остров, как бы за дровами. Она так описывает виденное: «На острове множество *кәссылъ по* («жертвенных деревьев»). На них навешаны не только ленты материи, но и шкуры зверей. На шестах висят шкуры оленей, снятые целиком с головой и копытами. В кучах много железных цепочек, денег и всякой всячины».

У устья р. Ширты (верхний приток Таза) имеется холм (Лозыль лака). Селькуны говорили, что на него можно восходить только в определенное время. Лозыль лака — это обычно возвышенное место, поросшее лесом, с которым у селькупов связаны какие-либо неприятные происшествия. Места эти слышат нечистыми. Таким местом считается станок Кедровник. Не только селькуны, но и русские старожилы утверждали, что ночевать там нельзя даже в охотничьей избушке: духи стучат в дверь, зовут людей по именам. Плохо тому, чье имя они называют.

Обиталищем водяного считалась всякая развилка реки (место, где вливается приток). Проезжая ее, обязательно бросали в воду кусочек пищи, табак или деньги.

Кроме того, существовали местности, называемые *кәссылъ тэтты* — «жертвенная земля». По-видимому, это были места для родовых жертвоприношений. Сооружали их в глухой, малодоступной тайге, желая сохранить от глаз посторонних.

Нарымские (тымские) селькуны ставили амбарчики на высоких столбах (*лозыль сәссан*),³ в которых хранили деревянные (иногда металлические) изображения предков рода, изображения умерших членов рода, духов-шаманов, имевшихся в роду, и многочисленные жертвы — шкурки ценных зверей, ткани, платки головные, деньги, украшения. Здесь же собирались члены рода в определенное время.

В Тазовской тундре подобным местом и было, вероятно, святилище на Лозыль то.

Во время поездок в Нарым летом в 1932 и 1933 гг. нам удалось посетить некоторые из таких амбаров. Все они пришли в ветхость. Новых амбаров уже давно не делали. Проводниками нам были селькуны, которые после долгих уговоров согласились показать святилища. Однако даже мужчины к самим амбарам не подходили, оставаясь на почтительном расстоянии, с опасением ожидая, какая судьба постигнет исследователя, который к тому же женщина. В этих амбарах мы обнаружили любопытные находки.⁴

³ Слово *сәссан* — «амбар», по-видимому, близко нганасанскому *sasu, sasz* — «кладовка». — См. словарь А. А. Попова: Архив ЛО ИЭ АН СССР, ф. 14, оп. 1, № 44—46.

⁴ Прокофьева Е. Д. К вопросу о социальной организации селькупов. — ТИЭ, 1952, т. XVIII, с. 88—107.

Кастрен упоминает об амбарчиках для *лоз'ов* (духов) нарымских селькупов (по его терминологии, томских самоедов). Он сообщает, что женатый человек не мог даже обходить такой амбарчик. Если ему нужно было принести жертву, он делал это при посредстве своего холостого родича. Кастрен также пишет, что селькупы прежде имели не только личных «богов» (*лоз'ов*), но и общих, почитавшихся всем племенем и отдельными родами. Такой *лоз* имелся в юрте Карбиных на р. Кети. Божество было из латуни, имело вид и размер человека в сидячем положении. «Это замечательное изображение было (как говорят) наследием от древней, искусной чуди и пользовалось большим почетом и за красоту, и за старину. Его хранили в кладовой, наполненной соболями, лисицами и другими богатствами большой ценности». За несколько лет до приезда Кастрена тунгусы, переселившиеся на р. Кеть с р. Пит, враждовавшие с селькупам, сожгли этот амбар со всем имевшимся там богатством в отместку за какую-то обиду. Во время пожара идол от огня изуродовался, расплавился, потерял форму «и считается теперь умершим».⁵

В чуме священным почиталось место против входа, так называемое *сыткы*. Старые женщины и лишь некоторые мужчины могли проходить через *сыткы* и даже сидеть вблизи него. Более того, задняя часть чума, соответствовавшая *сыткы*, тоже была священной и обходить вокруг чума снаружи, т. е. проходить мимо *сыткы*, запрещалось.

Итак, мы видим, что входить в непосредственное соприкосновение со священными местами селькупы избегали. Предание о смерти шамана на Лэль кылыль то, возможно, говорит об опасности жить и действовать вблизи от места пребывания духов. Такие места связаны с иным миром. Это особенно ярко выражено в одном из фольклорных текстов, где рассказывается, что от задней (священной) стенки чума идет дорожка к отверстию в земле, входу в иной мир. То же подразумевается в предании о безголовом человеке, где говорится, что бедный селькуп привел тени души оленей к задней стенке чума и там они стали настоящими, живыми оленями. Именно у задней стенки чума ставя жертвенное дерево (*ка́ссыл по*), как бы защищающее смертных от близости иного мира.

Такое дерево имело антропоморфное изображение духа, вырезанное на самом дереве, или изображение птицы, прикрепленное к его вершине. Шаманы говорили: «Если такое *ка́ссыл по* обойдешь кругом, худо будет, заболеешь! Два года проживешь, потом умрешь. Я шибко боюсь, не пойду кругом него... Другой человек не знает, пойдет — заболееет». Это уже не просто *ка́ссыл по*, а *лозыль ка́ссыл по*.⁶

Такие *лозыль ка́ссыл по* обязательно ставились около жилища шаманов. У Максима Безруких на верхнем конце *ка́ссыл по* было прикреплено изображение гагары.

Из изложенного ясно, что все постоянные места обитания духов опасны для смертных. За проникновение туда простого селькупа ждет смерть, тяжелая болезнь. И не только потому, что он чем-либо оскорбил духов, а потому, что он неосторожно проник в запретную для живых людей зону, перешагнув через известную ему границу. Верили, что духи действительно живут в реальном мире и места их обитания обладают теми же свойствами, что и в ином мире.

Важное место в жизни селькупов занимал похоронный обряд. Многое в этом обряде живет и поныне, несмотря на то, что объяснить то или иное действие селькупы уже не могут. Смерть старого человека не вы-

⁵ Кастрен М. А. Путешествие по Лапландии, Северной России и Сибири. — Магазин землеведения и путешествий. М., 1860, т. VI, с. 297.

⁶ То, что тазовские селькупы называют *ка́ссыл-ка́ссыл по*, баишенские называют *мураль-мыраль мы*.

зывала удивления — она была в порядке вещей. А смерть молодого всегда была непонятна. По представлениям селькупов, такая смерть была результатом коварства злых лоз'ов или даже любви умерших родственников, которые, уйдя в мир мертвых, скучают и уводят к себе душу молодого человека. Поэтому-то он заболел и умер, если, несмотря на принятые шаманом меры, душу не удавалось вернуть.

Умершего на два-три дня оставляли в жилище, не трогая, на том месте, где он умер. Если умирал старик, старуха или ребенок до 14 лет (т. е. те, кто при жизни имел право подходить к сытке, не участвовал в половой жизни), то их тело переносили в священную часть жилища сытки, расположенную за очагом, против входа. Если умерший был чужой, то по истечении трех дней его тело выносили на улицу и укладывали на нарту, где он лежал до приезда родственников. Пока умерший лежал в жилище, ему ставили пищу в то же время, когда сами ели, причем сначала кормили умершего. После трапезы его еду выливали, бросали в огонь. Время от времени в огонь бросали табак, если покойный курил, водку, если пил. Предполагали, что душа умершего после смерти сразу поднимется наверх и потом в течение трех дней будет бродить около своего жилища, посещать все места, где протекала его жизнь.

На второй или третий день тело умершего посторонние люди (не близкие родные) обмывали, надевали на него новую нижнюю и верхнюю одежду, чулки, лимы, лицо закрывали белым платком (*хампи*). Все, что надевали, «не ножко разрывали». Если были бедными, то надевали старую одежду до возможности лучшую. После этого умершего клали в гроб. Голову помещали на подушке, набитой оленьей шерстью.⁷ Под тело его подстилали кусок какой-либо ткани.

Прежде гроб (*поль кор*) выдалбливали из кедровой колоды, ныне его делают из кедровых досок. Такое предпочтение кедру станет понятным, если учесть, что кедр, по старинным представлениям селькупов, был символом мира мертвых.

При изготовлении гроба следили, чтобы все щепы и стружки были тщательно собраны. Часть стружек клали в гроб и в подушку (вместе с оленьей шерстью), щепки везли на кладбище и там сжигали на поминальном костре, на котором варили оленьё мясо.

Гроб делали узкий, чтобы едва поместить тело умершего. Справа в стенке гроба делали сверлом (*нур*) отверстие.⁸ Отдельно сколачивали крышку гроба.

По словам одних информантов, умершего клали в гроб на третий день на улице и сразу везли хоронить. По словам других, умершего кладут в гроб, как только его изготовят.

Часто гробом служила ветка (долбленая лодка *анды*), которую распиливали пополам. И кедровая колода, и ветка в данном случае осознавались как лодка, в которой умерший отплывал к устью мифической родовой реки, где находился город мертвых (*латтарыль хэтты*).

Под гроб подстилали оленью шкуру; пока гроб стоял в жилище, родные подходили к нему и спрашивали у умершего: «Далеко ли ты пошел? Легко ли тебе? Хорошо ли ты о нас думаешь?». При этом спрашивавший приподнимал гроб за тот конец, где были ноги умершего. Если гроб приподнимался легко, это значило, что умерший не унес обиды на спра-

⁷ Из перьев утки подушку умершему никогда не делали, так как утка считалась покровительницей женщин.

⁸ На случай, если шаману понадобится общаться с умершим, чтобы душа умершего могла выходить или чтобы души живых родных могли посещать умершего.

пывающего. Если же умершему плохо, если он в обиде на оставшихся в живых, то, по словам селькупов, гроб становился тяжелым и поднимался с трудом.

В то время, когда умерший находился дома, родные или те, кого они попросят, готовили могилу. Отец и мать умершего никогда не принимали участия в изготовлении гроба и могилы. Зимой землю для могилы отогревали костром. Яму для взрослых (*хыл*)⁹ рыли глубиной в рост человека без головы, для детей — в половину роста взрослого человека (рис. 1). По четырем углам в яму ставили столбы (*салты*) высотой до уровня земли. На эти столбы поперек могилы клали расколотые вдоль бревна. На дно могилы клали две «подставки» из небольших (по ши-

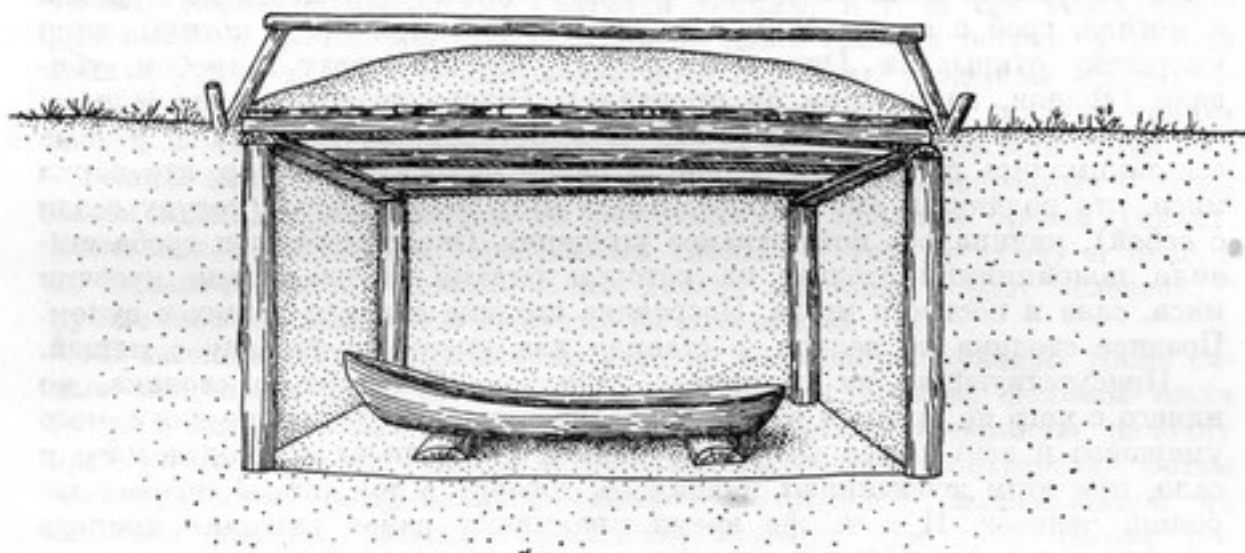

Рис. 1. Устройство могильной камеры и покрытия (реконструкция).

рине могилы) плах. Тем, кто делал гроб и могилу, отдавали остатки не съеденного на похоронах мяса и оставшуюся одежду умершего.

На похороны собираются родные, все, кто может (те, кто не очень далеко живет). На третий день умершего хоронят. Гроб выносят из чума открытым, головой вперед. Если гроб стоял в сытке, то его выносили через дверь, как и из избы, из землянки, всегда головой вперед. Некоторые информанты говорили, что прежде из землянки выносили гроб через окно. Они утверждали, что выносили умершего ногами вперед. На улице гроб устанавливали на нарту. Если умерший — мужчина, то гроб ставили на его легковую нарту (*хорхумыл хаглы*), если — женщина, то на женскую нарту (*имал хаглы*). К нарте гроб привязывали веревками или арканом. В нее впрягали двух личных оленей покойного. Тут же забивали оленя для угощения родных на кладбище.¹⁰ Оленя брали тоже из личных оленей умершего, обязательно быка, важенку на похоронах никогда не забивали. У убитого оленя отрезали голову, снимали шкуру, разделывали тушу и, завернув мясо в шкуру, везли к могиле. Голову убитого оленя клали на гроб.

⁹ По словам А. А. Сайготина, *хыл* называлась не только яма могилы, но и вся могила с холмом.

¹⁰ Есть сведения, что, не отделяя от головы, вынимали дыхательное горло, легкие и сердце. По сообщениям других информантов, одного оленя били только на могиле, дома не били. И варили лишь половину его туши. Некоторые говорили, что били двух оленей: одного дома, второго на могиле.

Хоронят обязательно на «своем» кладбище (*латтарыль мекты*),¹¹ как бы оно далеко ни было, даже если путь туда занимает несколько дней. На ночевках гроб на нарте ставят в «спокойное место», где бы его не потревожили люди, животные.

Если человек умирает в лесу, во время промысла, его сразу везут на кладбище, не ожидая конца промысла. «Свое» кладбище (свое место) имели все «фамилии» селькупов. Например, «место» Сайготиных находится в 40 км от поселка Красноселькупска, выше по р. Таз.¹²

Аргиш на кладбище вел тот, кто копал яму, он «знал дорогу». К его нарте привязывали оленей, везущих нарту с гробом, ее вел отец или старший родственник. За ними ехали все родные и несли или везли вещи умершего. Если кладбище близко, родные шли пешком. Приехав к могиле, гроб с нарты снимали, ставили на самом краю могилы, лицо умершему открывали. Одного из оленей, везших нарту с гробом, убивали («оленья, на котором он приехал»). Голову отделяли и вешали на дерево или на воткнутый шест в 5—7 м от могилы. Пришедшие родные все занимались делом: кто разжигал рядом с могилой костер, кто варил мясо, кто подчищал яму могилы. Когда мясо было готово (посуду везли с собой), начиналось поминальное угощение. Около могилы и гроба ставили покойнический столик, на котором рядами раскладывали кусочки мяса, сала и костного мозга. Посредине столика ставили чашку с супом. Позднее столика не делали, а ставили для умершего тарелку с пищей.

Присутствующие на похоронах садились вблизи этого столика, но ничего с него не брали и не ели. Считалось, что это угощение для самого умершего и всех ранее умерших родных. Гости пьют суп, едят мясо и сало, при этом вспоминают покойного, говорят о том, какой он был хороший человек. И в то же время призывают ранее умерших принять участие в трапезе. Остатки угощения, а также все, что было на столике умершего, бросают в костер. У бедных безоленных селькупов на похоронах убивали одного оленя, когда умерший был еще в жилище. Часть мяса съедали тогда же, другую часть и отрезанную голову везли на кладбище. Там эту часть варили. Кусочки мяса бросали в огонь. Кроме того, каждый присутствовавший выливал в огонь чашку чая, бросал кусочки сахара, пряник и т. п.

Угощение окончено. Начинается прощание с умершим. Родные подходят, не целуют, а прикладывают щекой к его лицу. Плачут, приговаривают: «Что же поделать? Ты заболел и умер. Ты жил, много работал, теперь отдыхай!». Потом все присутствующие, взявшись за руки, обходят гроб и могилу по солнцу.

В гроб кладут личные вещи умершего, его *утык*¹³ — нож, кисет, ку-

¹¹ Сейчас это выражение понимается как «кладбище», т. е. несколько могил, точнее могильных холмиков. Действительно же слово *мекты* значит «холм». *Латтарыль* — «покойнический холм». В фольклоре кладбище называли *латтарыль эты* — «покойническое стойбище».

¹² Родовые кладбища и у нарымской группы селькупов располагались в нижнем течении реки, протекавшей по родовой территории. До вскрытия реки умерших подвешивали на деревья и лишь весной, по чистой воде, спускали вниз по течению к кладбищу (Пелих Г. И. Кольцевая связь селькупов Нарыма. — ТИЭ, 1962, т. IV, с. 184). А. П. Дульзон отмечает то же расположение кладбищ в начале нашего века у чулымских татар. Кладбища около населенных пунктов (деревень) появились у них только лет 40—50 назад (Дульзон А. П. Чулымские татары и их язык. — Учен. зап. Томского педагогического ин-та, 1952, т. IX, с. 93).

¹³ В селькупском языке имеется три термина для понятия «имущество»: 1) *утык* (от *уты* — «рука») — личное имущество человека, буквально «ручное имущество»; 2) *гдыты* — имущество в более широком значении: одежда, оленья нарты, лук и стрелы, постель и т. п.; 3) *теттажай* — «богатство», «лишнее имущество»: это в основном запас одежды, оленей и пр.

рительную трубку, огниво,¹⁴ чашку, ложку, если хоронили мужчину. Если же хоронили женщину, то ей в гроб клали швейный мешок, иголки, наперсток, гребень для расчесывания волос и травы (для стелек), ножницы, чашку, курительную трубку, нож. Еду в гроб не клали. Кто-либо из старших мужчин (или шаман) выкуривал три трубки табаку и пепел вытряхивал в гроб вместо табака.

После этого гроб заколачивали (прежде гроб с крышкой связывали ремнями) и на вожже и потяге от упряжки одного из оленей, привезших покойного, спускали в яму и ставили на подставки из плах. Вожжу, потяг и веревки (или аркан), которыми гроб был привязан к нарте, резали на куски и бросали в яму.

Затем в яму вокруг гроба складывали всякое имущество умершего — часть одежды, обувь, посуду (котел и чайник) и т. п. Все вещи, которые клали в гроб и могилу, портили: у ножа срезали острое, у иголок ломали ушки, у обуви распарывали швы подошвы, у одежды продырявливали полы. Ломали зубцы у гребня, делали дырки в котле и чайнике и т. п. «Нельзя умершему класть целые вещи», — заявляли селькупы.

Когда вещи в могилу были сложены, сверху, на поперечные бревна, клали вдоль могилы настил из разрубленных пополам бревен (плах). Настил этот покрывали берестяными тисками¹⁵ (на $\frac{1}{2}$ чума) и поверх их засыпали могилу землей. Холм делали высокий, в рост человека;¹⁶ нужно было насыпать всю вынутую из ямы землю.

В засыпке могилы принимали участие все присутствующие. Даже самые маленькие дети (*кэсат*, т. е. из группы внуков) должны были бросить хоть немного земли. В холм вставляли деревянную палочку примерно над тем местом, где в гробу было просверлено отверстие. Затем земляной холм покрывали деревянной крышкой, выдолбленной из кедровой колоды, размером несколько больше, чем гроб. Позже крышку делали из плотно пригнанных под косым углом кедровых досок. Крышка защищала могилу от воды. Чтобы гроб был прочно накрыт, при засыпке по углам могильной ямы ставили палочки, заметки.

По словам других информантов, могильный холм закрывали деревянной крышкой (*инналь поль кор*) не сразу на похоронах. Делали крышку и покрывали ею могилу лишь ближней весной (если похороны были зимой) или осенью (если похороны были летом), т. е. в ту пору, когда «листьев и травы еще не было (весной)» или «когда листья уже все опали (осенью)». При этом не обязательно присутствовали все родственники.

Под крышку клали остатки имущества, которое по каким-либо причинам не попало в могилу.

Нарту, на которой привезли умершего, ломали и бросали туда, где на дереве или шесте была повешена голова оленя. После всего этого вновь обходили трижды по солнцу вокруг могилы, говоря: «Ты нас не трогай, пусть мы живем». Если среди родных был шаман, он присутствовал на похоронах, но не камлал.

В старину на похоронах обязательно бывал шаман, он говорил «что-то, чтобы умерший не вернулся». Иногда специально приглашали шамана, но он только наблюдал. Говорили: «Нельзя камлать! Все печалятся — и он будет петь и плясать! Нельзя».

Старшие селькупы и шаман предупреждали молодых, чтобы не споткнулись при обходе могилы, не упали. Рассказывали о многих несчаст-

¹⁴ По словам других информантов, в гроб огниво не клали, так как у умерших «там» свой огонь есть.

¹⁵ Тиски — готовые берестяные крышки, которыми летом покрывали чум.

¹⁶ По другим сведениям, холм делали невысокий.

ных случаях, происходивших с человеком, который падал у могилы. Один селькуп, будучи на похоронах, уже хотел идти домой, но споткнулся и упал. И в тот же день с ним случилась беда — ружье выстрелило ему в щеку.

После обхода могилы сразу отправлялись домой, унося все оставшееся с собой (мясо, посуду). Ехали тем же путем. Отойдя или отъехав на некоторое расстояние от могилы, сажной головней рисовали по своему следу (дороге) поперечные полосы (рис. 2), чтобы выходящая из умершего душа не вернулась к живым (или перегораживали дорогу прутиками, воткнутыми в снег, в землю).

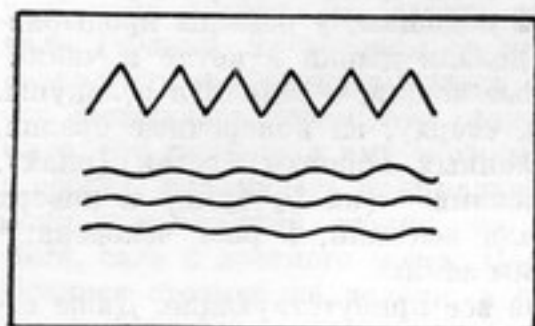
Иногда на пути от могилы ставили вымазанную сажей оленью лопатку. На следующее утро шаман ходил смотреть, есть ли на лопатке отметины. Если таковые имелись внизу лопатки, значит душа (*ильсат*)

маленького человека (ребенка) ушла к покойнику. Если отметки были расположены высоко, значит душа взрослого человека ушла вслед за умершим.

Оглядываться назад на могилу нельзя, взрослые строго следят за детьми, чтобы выполняли этот запрет, иначе умерший может «позвать».

Вернувшись домой, снова угощали всем лучшим, что имели. На следующий день родственники не работали. Гости разъезжались, родные раздавали оставшееся имущество умершего.

Рис. 2. Полосы, рисуемые на дороге при возвращении с кладбища.

Второго оленя и половину упряжи, оставшейся от похоронной нарты, давали сыну или младшему брату умершего. Одежду отдавали родным или друзьям.

Не все селькупы после похорон переносили чум на другое место, меняли лишь в чуме и землянке подстилку (хвою, траву), в домах мыли пол.

На могилу через несколько дней ставили «памятник» (*олымь по*) или крест (*пирня*) (рис. 3). На них вешали кусочки материи — жертвы (*ка́ссы*). Прежде на могилы ставили жертвенные деревья (*ка́ссыль по*). Позже христианский крест заменил их.

После похорон кладбище не посещали. Другие информанты говорили, что изредка весной и осенью родные посещали могилу, подправляли ее, ставили перед ней еду, которую потом бросали в огонь. Сами ели около могилы у костра. Во время еды плескали в огонь водку, чай (их обязательно брали с собой).

Когда проезжали мимо могилы, то бросали на нее табак, если похоронен мужчина, или что-либо другое, если женщина, ребенок.

Детей до одного года или мертворожденных хоронили на деревьях, заворачивая в бересту и подвешивая на ветки.

Кое у кого из селькупов сохранилось воспоминание о том, что прежде они хоронили своих покойников на кедрах. Этим объясняется, что кедр считался деревом умерших, деревом — символом мира мертвых. Поэтому на кладбищах не рубят кедры. Это объяснение согласуется и с материалами фольклора селькупов, где кедровая роща, кедр всегда являются признаком мира мертвых, смерти, деревом, причастным к злему Кызы. Именно к кедру привязывали оленя, пожертвованного Кызы, на кедр вешали жертву в виде полосок ткани черного или темного цвета.

Смерть близкого человека, по старым представлениям селькупов, долго еще висела угрозой для оставшихся в живых. Заболеет ли кто, случится ли с кем несчастье, первое объяснение этому — покойный зовет его к себе. Лишь шаман мог точно определить причину несчастья. Если даже умирал человек в соседнем чуме (или в одном из чумов этого стойбища), то в других чумах клали у входа топор и две палки крестом, чтобы душа умершего не вошла ночью в чум. Насколько живучи эти предрассудки, видно из рассказа одной селькупки. Когда она в 1950-х годах училась в школе, умерла одна из учениц. Все другие ночью в комнате интерната у двери положили топор и накрест две палочки.

Представление об умершем ясно передает рассказ информанта: «Я была маленькой, когда умер мой дядя. Его похоронили, на могилу поставили покрывало. Чум наш стоял близко, я бегала к могиле и играла около нее. Мне говорили взрослые: „Не играй тут. Не мешай ему!“ (т. е. умершему дяде)».

На деятельности шамана особенно отражалась смерть близкого его родича. Считалось, что во время похорон духи — помощники шамана уходят вместе с умершим родственником по дороге в загробный мир. Они провожали его, помогали ему в пути, и на это время шаман становился «смертным человеком» (*хулыль хун*). Камлать он не мог. Если пытался, то сам он или его духи-помощники и душа умершего могли погибнуть. Срок запрета бывал разный, в зависимости от времени прихода умершего в город мертвых. Обычно этот срок продолжался не больше одного месяца.

Представления о смерти человека, отраженные в погребальном обряде, содержат в себе представления о загробной жизни. После смерти люди живут в загробном мире в жилищах (умершему кладут юбки и тиски для чума), едят, пьют, одеваются (умершему кладут в гроб посуду, одежду, трубку и пепел от табака). Все кладут в сломанном виде, т. е. таким же, каким и лежит умерший, — «сломанным», «испорченным». Внешне это человек, но он не живой, не действует. Кладут и имущество, но и оно не может «действовать». Кладут пепел от табака, т. е. видимость, а не «живой» табак.

Мир умерших, по преданию, находится под землей. «Средняя земля», где живут люди, является по отношению к «нижней земле, загробному миру» небом, — так же, как настоящее небо является «землей» для существ, населяющих «верхний мир». Вход в нижний мир находится, по этому преданию, в лесу.

Но и в загробном мире человек «умирает». И тогда он, вернее его душа, превращается в водяного жука, живет жизнью этого насекомого; когда оно умирает, человек умирает совсем. От человека ничего не остается. Связь его с какой-либо жизнью прерывается, т. е. если предположить, что в загробном мире живут «души» людей, то, следовательно, и они умирают, они смертны. Это они после смерти превращаются в жуков и потом исчезают совсем. Однако души умерших детей находят себе пристанище в бубне шамана-родственника. Возможно, что судьба детских душ иная, чем душ взрослых людей.

Представления селькупов о болезни и смерти, о судьбе души человека после смерти, как мы видели, были сложны. Обращает на себя внимание похоронный обряд и особенно сама могила. Сложность этого сооружения сохранилась до наших дней. Некоторые особенности погребальных сооружений селькупов при сопоставлении с археологическими памятниками Южной Сибири и Центральной Азии (Алтай, Тува, Минусинская котловина) позволяют отметить ряд существенных сходных черт.

Рис. 3. Надмогильные сооружения (МАЭ, колл. № И-1926—51, 59, 57).

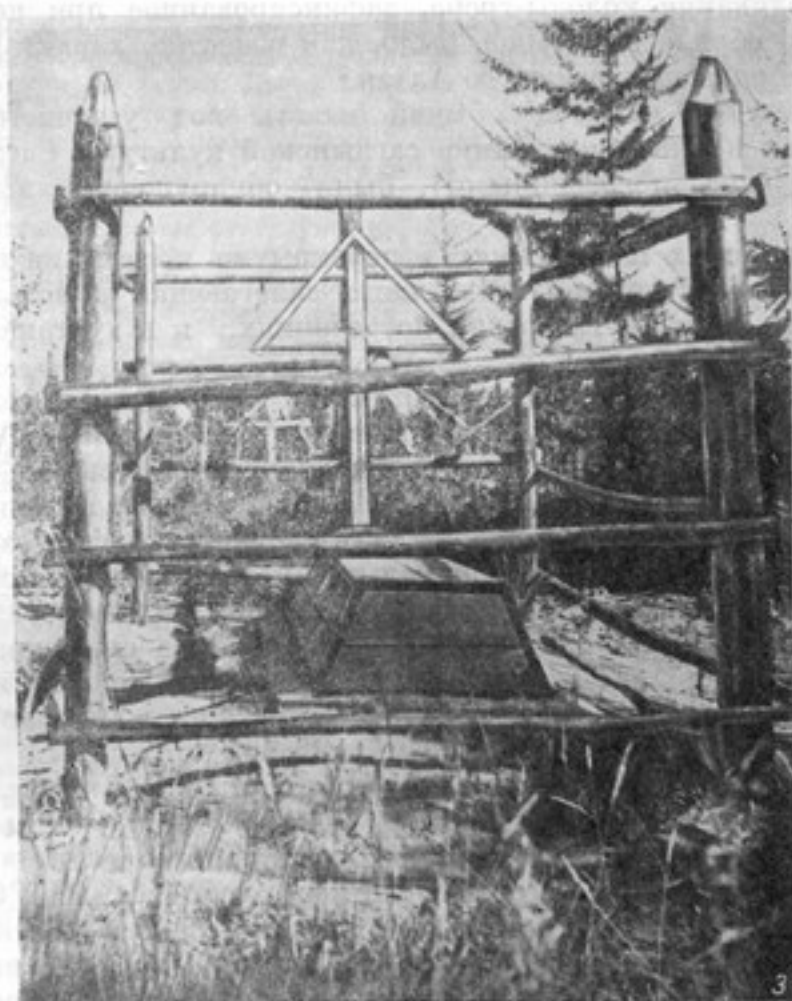

Рис. 3 (продолжение).

По нашей просьбе археолог А. Д. Грач сообщил, что, по его мнению, наиболее значительные совпадения элементов погребальных сооружений селькупов наблюдаются при сопоставлении с элементами погребальных сооружений скифского времени и гунно-сарматской эпохи.

1. Наиболее существенной деталью селькупских погребений являются четыре столба по углам могильной ямы, служащие опорой перекрытия могилы. В Минусинской котловине подобные конструкции характерны для курганов третьей (переходной) стадии тагарского времени.¹⁷ На Алтае вертикальные столбы были зафиксированы при раскопках курганов с камерами-срубами пазырыкского этапа (V—III вв. до н. э.),¹⁸ а также шибинского этапа¹⁹ (из-за величины усыпальниц число столбов достигало шести).

¹⁷ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири. М., 1951, с. 277.

¹⁸ Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время. М.—Л., 1953, рис. 9—12, 24—26, 28; Грязнов М. П. Первый пазырыкский курган. Л., 1950, рис. 2—4; Руденко С. И. Культура населения Центрального Алтая в скифское время. М.—Л., 1960, рис. 12, 57, 58.

¹⁹ Гаврилова А. А. Раскопки второго Катандинского могильника. — Советская археология, вып. XXVII, 1957, рис. 4—6.

2. Выдалбливание колоды-гроба, зафиксированное при исследовании погребального обряда селькупов, было, как известно, характерно для погребального обряда пазырыкского Алтая.²⁰

3. У селькупов отмечен обычай класть под умершего стружки. При раскопках в Туве могильника саглинской культуры Саглы-Бажи II в подполах (под погребенными) были обнаружены лиственничные стружки.

4. В селькупских погребениях в перекрытии могилы находится слой бересты. Береста в перекрытиях, часто залегающая купольным слоем, была встречена в позднетагарских погребениях²¹ и в курганах пазырыкского времени на Алтае.²²

5. В селькупских погребениях оставлено пространство между гробом и дном могильной ямы после установки гроба на «катки». Аналогичная деталь зафиксирована при раскопках коллективной усыпальницы гунского времени в Кара-Холе (Северо-Западная Тува, курган КХ-58-II, погребение 2), где концы гроба были помещены на специально оставленные уступы, а под ним первоначально имелось пустое пространство.²³

Сопоставление этнографических материалов по погребальному ритуалу селькупов с материалами раскопок курганов скифского и гуно-сарматского времени в Южной Сибири и Центральной Азии позволяет сделать вывод об очень древних контактах предков селькупов с кочевническими племенами Саяно-Алтая и Минусинской котловины.

Социалистические преобразования в экономике и быту селькупов отеснили в далекое прошлое старинные обряды, лишили силы многие запреты. Однако память о них сохранилась у стариков.

Мы благодарим Анну Егоровну Нерину, Александра Сильвестровича Андреева, Афанасия Григорьевича и Алексея Александровича Сайгориных, Кима Калина, Марфу Тамелькину, Павла Кунина и многих других, позволивших глубже проникнуть в прошлое миропонимание их народа.

ОГНЯ ХОЗЯЙКА

Давным-давно это было. Жили люди на стойбище. В четырех чумах жили. Однажды все мужчины пошли в лес на промысел. В чумах только женщины да дети остались. Так жили они одни в течение трех дней. На третий день, вечером, одна женщина вышла из чума, дров нарубила, еду варить собиралась. Вернулась с дровами в чум, подбросила дров в очаг, сама с ребенком села к огню, стала сына грудью кормить. Огонь весело горит, трещит, мать и сына греет. Вдруг искорка взвилась из костра и упала на грудь ребенку, обожгла его. Ребенок заплакал. Мать вскочила, ругает огонь: «Что это ты делаешь? Я тебя кормлю дровами, а ты моего ребенка сжег! Не будет тебе дров. Изрублю тебя топором, залью, затушу!». Ребенка в люльку кинула, топор взяла, огонь рубить стала. Котел с водой взяла, в огонь влила. «Ну вот, ожги еще моего сына! Впервые до конца потух ты, ни одного глазка-искорки от тебя нет!». Огонь вовсе потух. Темно, холодно стало в чуме. Ребенок сильнее заплакал от холода. Опомнилась мать, скорее опять огонь разжигать стала. Старается, раздувает, никак разжечь не может, ведь ни искорки не осталось. А сын все кричит. Мать подумала — сбегаю я в соседний чум, возьму огня, разожгу. Побежала в соседний чум. Только дверь в тот чум отворила — огонь в костре потух. Вошла в чум — огня уже совсем в очаге нет. Женщины стали ста-

²⁰ Руденко С. И. Культура населения горного Алтая в скифское время, рис. 9—12, 16, 24—26, табл. III, I, X, I, XV, 2; 2) Культура населения Центрального Алтая в скифское время, рис. 12, 15—16, 19, 21, 54, 56—59, табл. VIII, 2, XXVI—XXXI.

²¹ Киселев С. В. Древняя история Южной Сибири, с. 277.

²² Руденко С. И. 1) Культура населения горного Алтая в скифское время, рис. 13; 2) Культура населения Центрального Алтая в скифское время, рис. 15, 57.

²³ Грач А. Д. Археологические раскопки в Кара-Холе и Монгун-Тайге (полевой сезон 1958 г.). — ТТКАЭЭ, т. 1, М.—Л., 1959, с. 91 и сл., рис. 24.

раться разжечь огонь — безрезультатно, ни искры не осталось. Мать на улицу выбежала, в другой чум побежала. Едва дверь приотворила — и тут огонь в очаге погас. Она и в чум не зашла. Дверь закрыла. В другой чум побежала — так же: едва дверь чуть-чуть открыла — костер потух. Обратно в свой чум побежала. В стороне видит еще чум, а там — видно — огонь горит. Это чум ее бабушки. Туда побежала, в чум вошла. Только за дверь шагнула — огонь в костре стал фыркать, задымил и потух. Бабушка стала ее ругать: «Что у тебя случилось? Едва вошла ты — и огонь погас. В своем очаге уже не обидела ли ты огонь, лягушка ты этакая!». Плачет женщина. Во всем стойбище нет огня. Никто разжечь костра не может. Темно, холодно. «Пойдем к тебе, ну-ка я посмотрю, что ты наделала», — сказала бабушка. Плача, женщина повела бабушку к себе. Пришли, а в темном холодном чуме сын ее плачет, заливаясь. Бабушка серное дерево взяла, стала огонь разводить. Старалась, старалась — ничего не выходит. Встала на колени, вниз очага смотрит, темно, не разглядеть. И вот едва заметная сидит тут старуха, кожа ее как огонь горит. И говорит старуха бабушке: «Что это ты стараешься? Невестка твоя меня сильно обидела. Бабушка спросила: «Как она тебя обидела, я ведь не знаю, что тут случилось». «Глаза мои водой залила, лицо железом рубила. Зачем это она, глупая, делала, не знаю».

Бабушка еще сильнее рассердилась: «Я прежде говорила, что эта лягушка что-нибудь да сделает! Огня-пламени хозяйка, не сердись, дай огонь!». Молчит хозяйка огня. Долго просила бабушка. Наконец хозяйка огня-пламени сказала: «Огонь я тогда вам дам, когда эта женщина мне своего сына отдаст. Из сердца его я огонь вам дам. Будете помнить, что из сердца вашего сына у вас огонь, беречь будете». Мать еще сильнее заплакала. Бабушка ее говорит: «Все семь родов людей из-за тебя без огня остались. Как жить будут? Сына своего отдай!». Мать сына отдала. Хозяйка огня-пламени сказала: «От этого времени вовек всякий селькуп знает будет, что огонь железом шевелить нельзя. Только при большой нужде может огонь железом трогать, и при этом слово позволения прежде пусть скажет. Все семь родов людей слушайте и помните это мое слово!». И хозяйка огня дрова пальцем тронула, взвился огонь, а она в огня вихре с сыном той женщины скрылась. Бабушка женщине сказала: «Отсюда сказка-предание пойдет о том, что кровью сердца своего сына огонь зажгла ты».